

Глава 1

Два года спустя

Истон умна, потому что заманивает меня обещанием купить бабл-ти. Но если бы она была умна по-настоящему, то дождалась бы, пока я пригублю свой шоколадный напиток с сырной пенкой и бобовыми шариками, прежде чем сказать:

— Сделай для меня кое-что.

— Нетушки. — Я ухмыляюсь, затем выдергиваю две трубочки из контейнера и предлагаю одну ей, но подружка как будто не замечает.

— Мэл. Ты даже не дослушала, что...

— Нет.

— Это касается шахмат.

— Что ж, в таком случае... — Я с благодарностью улыбаюсь девушке, которая протягивает мой заказ.

Мы несколько раз тусили с ней прошлым летом, о чем у меня сохранились смутные, но приятные воспоминания. Губы, покрытые малиновой гигиеничкой,

мурлыканье группы «Бон Ивер» в ее «Хендае-Элантре», легкие прикосновения прохладной кожи. К сожалению, ни в одном из этих воспоминаний нет ее имени. Но на моем стаканчике она написала «Мелани», так что, думаю, мы квиты.

Обмениваемся с ней короткой, заговорщической улыбкой, и я поворачиваюсь к Истон.

— В таком случае — дважды нет.

— Мне нужен игрок. Для командного турнира.

— Я завязала. — Проверяю телефон. Время 12:09.

У меня есть еще двадцать одна минута, чтобы вернуться в гараж. Мой босс Боб не совсем добрая и понимающая душа. Иногда я даже сомневаюсь, что она у него есть. — Давай посидим снаружи, прежде чем я проведу остаток дня, копаясь в «Шевроле-Сильверado».

— Ну давай, Мэл, — сердится Истон. — Это шахматы. И ты все еще играешь.

Когда учительница моей сестры-шестиклашки Дарси объявила классу, что собирается отправить их морскую свинку на «ферму с зелеными лугами», Дарси решила выкрасть ее, сомневаясь, что это реальная ферма. Естественно, выкрасть свинку, а не учительницу. Я жила бок о бок с Голиафом Спасенным весь последний год, в течение которого мне приходилось отказывать ему в остатках от ужина, потому что ветеринар на коленях умолял нас посадить его на диету. К сожалению, у Голиафа есть сверхспособность: он пялится на меня, пока я не расту. Собственно, в этом они с Истон похожи. Одинаковое выражение чистого, непреклонного упрямства.

— Не-а. — Я присасываюсь к трубочке. Божественно. — Я забыла правила. Напомни, как там ходит эта маленькая коняшка?

— Очень смешно.

— Нет, правда, что это за игра? Королева захватывает Катан*, миную золотое по...

— Я не прошу делать то, что ты делала раньше.

— А что я делала раньше?

— Ну, помнишь, когда тебе было тринадцать и ты положила на лопатки всех подростков в шахматном клубе Патерсона, а потом и взрослых? Им пришлось приглашать игроков из Нью-Йорка, которые тоже опозорились. Вот *такого* мне не нужно.

На самом деле мне было двенадцать. Я прекрасно помню это, потому что папа встал рядом со мной, положил руку на мое костлявое плечо и гордо заявил: «Я не выиграл у Мэллори ни одной игры с тех пор, как год назад ей исполнилось одиннадцать. Не правда ли, она невероятная?»

Но я не поправляю Истон и плюхаюсь на участок травы рядом с клумбой увядающих цинний. Сомневаюсь, что в Нью-Джерси живет хоть кто-то, у кого любимый месяц — август.

— Помнишь, что случилось на показательном сеансе? Когда я чуть не грохнулась в обморок, а ты велела всем отойти в сторону...

— ...и отдала тебе свой сок. — Истон садится рядом со мной.

Краем глаза замечаю ее идеальные стрелки, затем перевожу взгляд на мой заляпанный маслом рабочий комбинезон. Мне нравится, что некоторые вещи не меняются. Перфекционистка Истон Пенья, у которой всегда есть план, и ее взбалмошная напарница Мэллори Гринлиф. Мы учились вместе с первого класса, но почти не общались, пока в возрасте десяти лет не стали ходить в шахматный клуб. Истон в каком-то смысле была уже

* Имеется в виду настольная игра «Колонизаторы».

довольно зрелой. С тех пор она почти не изменилась: потрясающая и крайне целеустремленная.

— Тебе правда нравится играть в это дерьмо? — спросила она меня, когда нас объединили для совместной партии.

— А тебе нет? — удивилась я.

— Конечно нет. Мне просто нужны разноплановые кружки. Университетские стипендии сами себя не зарабатывают.

Спустя четыре хода я объявила ей шах и мат и с тех пор безумно полюбила.

Забавно, что Истон никогда не нравились шахматы так, как они нравились мне, но она до сих в них играет. Необычный любовный треугольник, надо признать.

— Ты все еще должна мне за тот сок, так что приходи на турнир, — приказывает она. — Для команды нужны четыре человека. Все остальные либо разъехались на каникулы, либо не могут отличить шахматы от шашек. Тебе даже необязательно побеждать. Вдобавок ко всему это ради благотворительности.

— Что за благотворительность?

— Это важно?

— Конечно. Может, это для правого аналитического центра. Или нового фильма Вуди Аллена. Или, в крайнем случае, какой-нибудь новой выдуманной болезни типа истерии или непереносимости глютена.

— Непереносимость глютена вполне реальна.

— Неужели?

— Еще как. А турнир посвящен... — Истон неистово барабанит пальцами по экрану смартфона. — Не могу найти, но давай начистоту. Мы обе знаем, что ты скажешь да.

Я хмурюсь:

— Ничего подобного.

— Может, ты и не знаешь, а я — еще как.

— Я не такая уж бесхребетная, Истон.

— Конечно. — Она принимается с вызовом жевать свои шарики тапиоки, внезапно напоминая больше медведя гризли, нежели морскую свинку.

Вряд ли она забыла, как в девятом классе уговорила меня стать вице-президентом во время школьных выборов президента, где она, судя по всему, рассчитывала на самый высокий пост. (Мы продули. Причем с отрывом.) Еще был десятый класс, когда Мисси Коллинс распространяла грязные слухи и Истон наняла меня, чтобы я взломала ее твиттер. Не стоит забывать и одиннадцатый класс, когда я согласилась играть миссис Беннет в школьном мюзикле по «Гордости и предубеждению», который ставила Истон. И все это несмотря на мои сомнения и диапазон в пол-октавы. Я бы наверняка согласилась на очередную дурацкую авантюру в выпускном классе, если бы моя ситуация не была такой... скажем так, финансово нестабильной. Именно поэтому все свободное время я проводила за работой в гараже.

— Мы все знаем, что ты не умеешь отказывать, — продолжает Истон, — так что соглашайся уже.

Я проверяю телефон. Еще двенадцать минут перерыва. На улице адское пекло, я подчистую допила свой бабл-ти, а тот, что Истон держит в руках, выглядит невероятно соблазнительно. Медовая дыня — мой второй любимый вкус.

— У меня нет времени.

— Это еще почему?

— Я иду на свидание.

— С кем? С тем парнем, похожим на плотоядный цветок? Или с двойником Пэрис Хилтон?

— Ни с одним из них. Но я обязательно кого-нибудь найду.

— Брось. Так мы хотя бы сможем провести вместе время перед колледжем.

Я сажусь, стучаясь своим локтем о локоть Истон.

— Когда ты уезжаешь?

— Меньше чем через две недели.

— *Что?* Мы же только выпустились, всего...

— Всего три месяца назад? Мне нужно быть в Колорадо к середине августа, чтобы попасть на ориентацию.

— О. — Это все равно что проснуться после небольшого послеобеденного сна и понять, что за окном уже темно. — О, — повторяю я, слегка шокированная.

Этот момент должен был наступить, но, видимо, я совсем потеряла счет времени, потому что сначала сестра заболела мононуклеозом, потом мама неделю провалялась в больнице, затем заболела другая сестра, и в итоге я взяла себе больше смен на работе. Признаться, мысль, что мы с Истон будем жить в разных городах, пугает. Не было ни одной недели, когда я бы не наблюдала за тем, как она играет в «Дрэгон эйдж», или говорит о «Дрэгон эйдж», или смотрит видео с прохождениями «Дрэгон эйдж».

Возможно, нам стоит подумать о новых увлечениях.

Я пытаюсь выдавить улыбку:

— Похоже, время и правда летит, когда тебе весело.

— А тебе весело, Мэл? — Истон прищуривается, и я прыскаю от смеха. — Несмешно. Ты вечно торчишь на работе. А когда не на работе, то возишь сестер по их делам или мать к врачу. И... — Она проводит рукой по своим темным кудрявым волосам и оставляет их в беспорядке — верный признак, что она раздражена. Пожалуй, на семь из десяти. — Ты была лучшей в классе. Ты просто фея математики и можешь запомнить что угодно! Тебе предлагали *три* стипендии, одна из которых была в Боулдере, где мы учились бы вместе. Но ты

решила не ехать и теперь застряла здесь без какой-либо надежды на светлое будущее. И знаешь что? Это твой выбор, и я уважаю тебя за него, но тебе следует хоть раз позволить себе поучаствовать в чем-то веселом. В чем-то, что тебе действительно нравится.

Я пялюсь на покрасневшиеся щеки подруги целых три секунды и почти открываю рот, чтобы сказать, что стипендия — это прекрасно, если хочешь учиться, но стипендия не оплатит ипотеку, или лагерь роллер-дерби для твоей сестры, или гранулы с витамином С для похищенной морской свинки. Ко всему прочему, стипендия не поможет избавиться от чувства вины, сидящей у меня в печенках. Почти не поможет. В последний момент я отвожу глаза и вижу время.

Уже 12:24. Черт.

— Мне нужно идти.

— Что? Мэл, ты злишься? Я не хотела...

— Нет, — я посылаю ей улыбку. — Просто мой перерыв закончился.

— Ты только пришла.

— Именно. Боб не в восторге от нормального рабочего графика и идеи баланса между работой и личной жизнью. Лучше скажи: ты будешь допивать чай?

Истон закатывает глаза, но все же протягивает мне свой стакан. Уходя, я сжимаю и разжимаю ладонь.

— Дай мне знать, что там с турниром! — кричит вслед Истон.

— Я уже сказала.

Раздается стон, затем ее голос резко становится серьезным:

— Мэллори!

Я разворачиваюсь, несмотря на то что есть все шансы, что несвежее дыхание босса ударит мне в лицо, когда он будет вопить, что я опоздала.

— Послушай, я не собираюсь заставлять. Но шахматы были для тебя всем. А сейчас ты не хочешь сыграть даже ради хорошего дела.

— Типа поддержки людей с непереносимостью глютена?

Она снова закатывает глаза, и я бегу на работу, смеясь на ходу. Едва не опоздав, хватаю инструменты, но прежде чем успеваю скрыться под кузовом машины, чувствую, как вибрирует телефон. На экране появляется скриншот объявления: «Командный турнир олимпийских клубов. Недалеко от Нью-Йорка. Совместно с “Врачами без границ”».

Я улыбаюсь.

МЭЛЛОРИ. ладно это хорошая организация

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Говорила тебе! Еще смотри.

И отправляет мне ссылку на статью о непереносимости глютена. Оказывается, она все-таки существует.

МЭЛЛОРИ. теперь ВЕРЮ что это реальная штука

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Говорила тебе.

МЭЛЛОРИ. это твоя козырная фраза

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Моя козырная фраза: «Я была права». Так что, планируешь участвовать в турнире?

Я фыркаю и едва не пишу «нет». С трудом сдерживаюсь от того, чтобы напомнить Истон, *почему* я на самом деле больше не играю в шахматы.

Но затем вспоминаю, что скоро она уедет в колледж, а я останусь здесь совсем одна. Истон будет пытаться

завязать разговор о последнем прохождении «Дрэгон эйдж» с кем-нибудь другим, кто захочет с ней просто пососаться. Представляю, как она изменится, когда вернется домой на День благодарения: с выбритыми висками, веганка, предпочитающая коровий принт. Вполне возможно, она превратится в совсем другого человека. Мы встретимся в знакомом месте, посмотрим сериал, который смотрели раньше, обсудим общих знакомых, но перестанем быть теми, кто мы есть сейчас, потому что встретим новых друзей, обречем новый опыт и воспоминания.

Грудь сдавливает от страха. Страх, что Истон изменится, расцветет и больше никогда не будет прежней. Но я буду. Здесь, в Патерсоне. Я законсервируюсь. Мы вряд ли будем об этом говорить, но обе знаем наверняка.

Так что я пишу:

МЭЛЛОРИ. лады. в последний раз

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Видишь? Я была права.

МЭЛЛОРИ:

МЭЛЛОРИ. взамен ты отвезешь мою сестру в лагерь на следующей неделе чтобы я могла взять еще смены

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, нет.

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, прошу. Что угодно, только не это.

БРЕТ ИСТОН ЭЛЛИС. Мэл, это маленькие монстры.

МЭЛЛОРИ.

— Эй, Гринлиф! Я не плачú тебе за то, что ты сидишь в соцсетях или заказываешь себе сэндвич с авокадо. Чеши работать.

Я закатываю глаза. Мысленно, конечно.

— Мы сломанное поколение, шеф.

— Мне плевать. Иди. Работать.

Я опускаю телефон в карман комбинезона, вздыхаю и делаю то, что он говорит.

— Мэл, Сабрина ущипнула меня за руку и назвала вонючим хреном!

— Мэл, Дарси зевнула мне прямо в лицо, как самый настоящий вонючий хрен!

Я вздыхаю, продолжая готовить сестрам овсянку. Ко-рица, обезжиренное молоко, никакого сахара, иначе я получу от Сабрины: «Прибью тебя. Слышала когда-нибудь про такую штуку, как забота о здоровье?» А для Дарси арахисовое масло, магазинная «Нутелла», бананы вместе с «Добавь еще немного “Нутеллы”, пожалуйста, я пытаюсь подрасти на фут перед восьмым классом!».

— Мэллори, Дарси только что пукнула на меня!

— Нет, это Сабрина по собственной дурости находилась рядом с моей задницей!

Я самозабвенно слизываю с ложки купленную по скидке «Нутеллу» и представляю, как добавляю в кашу жидкость для снятия лака. Всего ложечку. Или, может, две.

Побочным эффектом станет внезапная кончина двух людей, которых я люблю, как никого на свете. Но сколько плюсов! Больше никаких полуночных нападений на пальцы моих ног от Голиафа, который, не исключено, болеет бешенством. И никаких скандалов, что я постирала

розовый лифчик Сабрины, положила его не туда или вовсе украла и отказываюсь сообщать его координаты. Никаких вездесущих постеров с Тимоти Шаламе, с которых он крипово пялится на меня. Только я и моя острая заточка в благословенной тишине тюремной камеры Нью-Джерси.

— Мэллори, Дарси ведет себя как полная какашка...

Я роняю ложку и марширую в сторону ванной. Это всего три шага, потому что поместье Гринлифов совсем крошечное и стоит сущие гроши.

— Если вы двое не заткнетесь, — говорю я своим крутым, хриплым голосом, который бывает у меня только в восемь утра, — я отведу вас на фермерский рынок и обменяю на самый сладкий виноград, который смогу найти.

В прошлом году случилось нечто странное: буквально за ночь мои два маленьких сладеньких пельмешка из лучших друзей превратились во враждующих болотных ведьм. Сабрине исполнилось четырнадцать — и она стала делать вид, что слишком крута, чтобы быть нашей родственницей. Дарси же исполнилось двенадцать — и... ох. Дарси осталась такой же, какой была. Всегда носом в книжку, развитая не по годам и слишком много замечает. Мне кажется, именно по этой причине Сабрина на свои карманные деньги купила новый замок и вышвырнула сестру из их общей комнаты. (Я впустила Дарси к себе — отсюда и «эффект Моны Лизы»*: Тимоти Шаламе и последовавшие за этим приступы бешенства.)

— О боже, — Дарси закатывает глаза. — Расслабься, Мэллори.

— Да, Мэллори, разожми булки.

Ах да, эти неблагодарные отлично ладят, когда необходимо объединиться против меня. Мама говорит, что

* Ощущение, что за тобой наблюдает неживой объект художественного произведения.

это переходный возраст. Я склоняюсь к тому, что они одержимы демонами. Но кто знает? В чем я уверена наверняка, так это в том, что мольбы, слезы или рациональные аргументы не самые эффективные способы привести их в чувство. Они цепляются за любое проявление слабости, и все заканчивается шантажом, после которого мне приходится покупать им нелепые вещи типа подушки с Эдом Шираном или магистерской шапочки для морской свинки. Мой девиз: «Доминируй через страх». Никаких переговоров с этими гормонально нестабильными анархистками, которые чувствуют кровь почище акул.

Божечки, я люблю их так сильно, что готова зарыдать.

— Мама спит, — шиплю я. — Клянусь, если вы не будете вести себя тихо, я напишу «вонючий хрен» и «полная какашка» у вас на лбу перманентным маркером и отправлю на улицу в таком виде.

— Предлагаю еще раз подумать об этом, — заявляет Дарси, тыкая в меня своей зубной щеткой, — или мы сообщим в Службу защиты детей.

Сабрина кивает:

— Может быть, даже в полицию.

— Может ли она позволить себе адвоката?

— Сомневаюсь. Удачи с выгоревшим на работе, низкооплачиваемым адвокатом, которого назначит тебе суд, Мэл.

Я опираюсь на дверной косяк:

— Ну, вы теперь хотя бы в чем-то согласны друг с другом.

— Мы много в чем согласны. Например, в том, что Дарси — вонючий хрен.

— Сама такая! А еще ты шлюха!

— Если разбудите маму, — грожу я, — я вас обоих спущу в унитаз...

— Я не сплю! Не стоит засорять трубы, дорогая.

Я оглядываюсь. Мама на нетвердых ногах идет по коридору, и внутри у меня все переворачивается. В последний месяц по утрам ей стало особенно тяжело. Да что уж говорить, все лето я наблюдала за ее мучениями. Мельком смотрю на Дарси и Сабрину — обе, к их чести, выглядят виноватыми.

— Раз уж я встала вместе с цыплятками, могу хотя бы обнять своих матрешечек?

Мама любит шутить, что мы с сестрами уменьшенные копии друг друга: пепельные волосы, темно-голубые глаза, румяные овальные личики. Правда, Дарси достались все веснушки, Сабрина полностью приняла свою эстетику «Виско»*, а что касается меня... Если бы в «Гудвиле» не было столько дешевой одежды в стиле бохо, я бы не была живым косплеем Алексис Роуз**.

И все же нет сомнений, что все трое девчонок Гринлиф сделаны из одного теста; мы не слишком похожи на маму с ее загорелой кожей и поседевшими волосами, некогда темными. Если она и думает о том, что мы все пошли в отца, то никогда об этом не говорит.

— Почему вы вообще встали? — спрашивает она, поцеловав Дарси в лоб и поворачиваясь к Сабрине. — У вас тренировка?

Сабрина напрягается.

— Мои начнутся только на следующей неделе. Хотя есть шанс не попасть на них, если кое-кто не удосужится записать меня в лагерь Ассоциации роллер-дерби. Это нужно сделать до следующей пятницы.

* Эстетика «Виско» (*англ.* VSCO) — стиль, вдохновленный одноименным приложением для обработки фото.

** Алексис Клэр Роуз — персонаж канадского сериала «Бухта Шитта» (2015–2020), избалованная светская львица.

— Все оплачу вовремя, — заверяю я.

Она смотрит на меня с максимальным скепсисом и недоверием. Будто я много раз разбивала ей сердце своей ничтожной зарплатой автомеханика.

— Почему ты не можешь заплатить сейчас?

— Потому что мне нравится играть с тобой, как пауку со своей жертвой.

И потому что мне нужно отработать еще несколько смен в гараже, чтобы накопить нужную сумму.

Сабрина щурится:

— У тебя нет денег, да?

Мое сердце пропускает удар.

— Конечно есть.

— Я уже почти взрослая. А Маккензи давно работает в этом месте с замороженным йогуртом, так что я могла бы спросить у нее...

— Никакая ты не взрослая. — Мысль о том, что Сабрине придется беспокоиться о деньгах, причиняет мне физическую боль. — Ходят слухи, что ты полная какашка.

— Раз уж мы заговорили о том, что нам нужно, — вмешивается Дарси с полным ртом зубной пасты, — Голиафу все еще одиноко без подружки.

— М-м-м, — я прикидываю количество отходов, которое смогут произвести два Голиафа. Фу. — В любом случае Истон любезно предложила отвезти вас в лагерь на следующей неделе. Я не буду просить вас хорошо себя вести. Даже сносно не буду. Потому что мне нравится ее выбешивать. Не благодарите.

Я выхожу из ванной, но перед этим замечаю, как сестры обмениваются удивленными взглядами. Их сильная любовь к Истон осталась в прошлом.

— Выглядишь очень мило сегодня, — говорит мне мама на кухне.

— Спасибоочки, — я обнажаю зубы. — Воспользовалась зубной нитью.

— Шикарно. Может, еще и душ приняла?

— Воу, угомонись. Я тебе не модный инфлюенсер.

Она хихикает:

— Ты сегодня не в костюме.

— Это называется комбинезон, но спасибо за комплимент.

Я смотрю вниз на свою белую футболку, заправленную в ярко-желтую юбку с вышивкой.

— Я не собираюсь в гараж.

— Свидание? Давно ты на них не ходила.

— Никаких свиданий. Я обещала Истон, что... — замолкаю.

Мама чудесная. Самый добрый, терпеливый родитель из всех, что я знаю. Она бы не возражала, если бы я сказала ей, что иду на шахматный турнир. Но сегодня она взяла трость. Ее суставы выглядят набухшими и воспаленными. И я не произносила при ней слова на букву «ш» уже три года. Зачем ломать рекорд?

— Она уезжает в Боулдер через пару недель, так что мы поедем потусить в Нью-Йорк.

Мамино лицо мрачнеет.

— Мне бы так хотелось, чтобы ты еще раз подумала о том, чтобы продолжить учебу...

— Ну, ма-ам, — ною я обиженным тоном.

Методом проб и ошибок я пришла к лучшему способу заставить маму поменять тему. Обычно я говорю, что вообще не хочу в колледж и меня ранит, что она не уважает мой выбор. Возможно, это не совсем правда, да и я не в восторге, что приходится врать, но все ради маминого блага. Не хочу, чтобы кто-то в моей семье думал, что чем-то мне обязан, или чувствовал вину за мои решения. Так не должно быть, потому что я знаю, на что иду.

И если кого-то здесь можно винить, то только меня.

— Хорошо. Прости, пожалуйста. Я очень рада, что ты проведешь время с Истон.

— Правда?

— Конечно. Это твоя юность. Делай все, что делают другие девчонки, когда им восемнадцать, — мама задумчиво смотрит на меня. — Я просто рада, что у тебя выходной. Живем много раз, все такое.

— Правильно говорить «живем *один раз*», мам.

— Уверена?

Я смеюсь и, подхватывая сумочку, целую ее в щеку.

— Буду к вечеру. Ничего, что я оставляю тебя с этими мартышками? В холодильнике есть кое-что готовое. Сабрина была абсолютной занозой на прошлой неделе, так что если Маккензи или кто-то из друзей пригласит ее к себе домой, то не пускай.

Мама вздыхает:

— Ты помнишь, что тоже моя дочь? Ты не должна воспитывать их вместо меня.

— Эй, — я притворно улыбаюсь. — Я что, плохо справляюсь? Может, мне добавить седативного в завтрак маленьких гарпий?

Я так хочу, чтобы мама снова засмеялась, но она лишь качает головой:

— Мне не нравится, что я удивлена, когда ты берешь выходной для себя. Или что Сабрина смотрит в твою сторону, когда ей нужны деньги. Это не...

— Мама. *Мам*, — я улыбаюсь как можно более искренне. — Честное слово, все в порядке.

На самом деле, наверное, нет. Не в порядке.

Есть что-то глубоко неправильное в том, что на стартовой странице «Википедии» у нас сохранена статья о ревматоидном артрите. Или что по морщинам у маминого рта можно предсказать, насколько плох будет день.

В прошлом году мне пришлось объяснять Дарси, что «хронический» означает «навсегда». Неизлечимый. Болезнь никуда не денется.

У мамы магистерская степень в области биологии, и она профессиональный медицинский писатель, причем чертовски хороший. Она написала множество образовательных материалов на тему здоровья, документы для Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов, а также изысканные заявки на гранты, которые приносили ее клиентам миллионы долларов. Но она фрилансер. Когда папа еще был с нами и она могла работать ежедневно, это не было проблемой. К сожалению, сейчас это не вариант. В некоторые дни боль мучает ее так сильно, что она едва может встать с кровати, не говоря уже о том, чтобы брать какие-то проекты. Ее запутанное донельзя заявление на получение пособия по инвалидности отклоняли уже четыре раза.

Но хотя бы я здесь. По крайней мере, я могу как-то помочь.

— Отдыхай, хорошо? — Я кладу ладонь на мамину щеку. Под ее глазами залегли угольно-серые тени. — Иди обратно в кровать. Чудовища сами себя развлекают.

Последнее, что я слышу, выходя за дверь, как Сабрина и Дарси жалуются на овсянку на кухне. Я делаю мысленную пометку затариться жидкостью для снятия лака, а затем замечаю выезжающую из-за угла машину Истон. Машу ей и бегу к дороге.

Это похоже на начало конца моей жизни.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

